

МАСТЕРА ИСКУССТВ О СЕБЕ

Недавно Советская страна отметила 75-летний юбилей выдающегося актера наших дней Героя Социалистического Труда Алексея Николаевича Грибова.

Горячо поздравив прекрасного артиста, «Литературная Россия» обратилась к нему с просьбой выступить на ее страницах в рубрике «Мастера искусств о себе».

Сегодня Алексей Николаевич Грибов рассказывает читателям еженедельника о своем пути в искусство, о людях, которые вели его на этом пути.

Алексей ГРИБОВ,

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

СЦЕНА ЖИЗНИ МОЕЙ

МОСКОВСКИЙ Художественный театр... Вот уже более полувека, как я ежедневно прихожу в это знакомое старое здание. Здесь сосредоточена вся моя жизнь, отданная любимому искусству.

А как все это начиналось? Безрадостное детство в семье слесаря одного из московских заводов... Мать работала на табачной фабрике. Умерла от туберкулеза, когда мне было около двух лет. 1916 год. Отца призвали в армию и я — четырнадцатилетний паренек — принужден был пойти работать на шелкоткацкую фабрику.

Театр? В детстве я имел весьма отдаленное представление о нем. По вечерам мне доводилось проходить мимо ярко освещенных подъездов Большого, Малого, Художественного театров, видеть, как туда съезжались нарядно одетые люди, которые, оживленно смеясь, выходили из экипажей и скрывались за бесшумными дверями таинственных для меня зданий. И мне бессознательно представлялось: у этих людей какой-то праздник.

И только когда тетка впервые в жизни повела меня в оперу Зимина на спектакль «Галка» и в Большой театр на «Сянуточку», я пережил удивительные часы счастья, праздника и наслаждения от соприкосновения с волшебным миром искусства...

...Октябрьская революция 1917 года внесла много нового в мою жизнь. Я получил возможность учиться. Без отрыва от производства поступил в школу-клуб рабочей молодежи Замоскворецкого района. Вместе с заводскими ребятами не только изучал общеобразовательные предметы, но и стал восторженным участником драматического кружка.

Большую роль в моем становлении актера сыграл заведующий школой-клубом Вячеслав Валерьянович Барановский. Юрист по образованию, прекрасный педагог и воспитатель, Барановский отлично знал театр, призывал нас хороший вкус, страстную любовь и вы-

сокое уважение к сценическому мастерству. Так, на школьной сцене я сыграл первые роли в пьесах А. П. Чехова, А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина. Первые сценические опыты на любительской клубной сцене были, конечно, несовершенны, но я тогда ощутил, как увлекает драма.

Когда в 1920 году я впервые увидел в Художественном театре чеховский спектакль «Дядя Ваня», он произвел на меня неизгладимое впечатление. Стал мечтать об актерском искусстве, но еще и не помышлял тогда о том, что сцена станет единственным смыслом моей жизни.

Работая в драматической студии имени М. Горького,

учился в третьей студии Художественного театра, в 1924 году выступил на ее сцене в роли мистера Крагса в спектакле «Битва жизни» по повести Ч. Диккенса. И в свой адрес услышал... хвалебные отзывы.

Учебный спектакль, поставленный режиссером Н. Горчаковым в Вахтанговской студии, был перенесен на малую сцену Художественного театра. С волнением ждали мы, студенты, встречи с К. С. Станиславским, который, просмотрев «Битву жизни», дал этой молодежной работе суровую оценку, а обо мне сказал, что «наиграваю», что созданный мною образ очень далек от манеры Художественного театра.

Я, естественно, был огорчен, но не обескуражен. Хотелось работать — сделать такое, что одобрил бы Константин Сергеевич. Однажды на репетиции «На дне» артисты Титова и Андерс показывали Станиславскому отрывки из спектакля. Меня попросили «подчитать» роль Луки. Я подчитывал просто, но не без увлечения. После просмотра Константин Сергеевич сказал: «Вот это то, что мне нужно. Вот Грибов играет по-нашему. Грибов и есть настоящий Художественный театр»...

Был безмерно счастлив от похвалы самого Станиславского.

...Конечно, рассказывать читателям газеты о своей биографии как-то неловко, но все же думается, что путь мой в искусство типичен для артиста, вышедшего из трудовой рабочей семьи, и может быть поучителен для молодежи, которая считает мастерство актера своим призванием.

Мне посчастливилось работать под руководством основателей Художественного театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, следовать в творчестве их мудрым советам. Как много ценного почерпнул я, выступая вместе с корифеями МХАТа И. Москвиным, В. Качаловым, О. Книппер-Чеховой, В. Лужским, Л. Леонидовым, М. Тархановым, В. Грибуниным!

Самые различные роли довелось мне сыграть на сцене и в кино. Трудно рассказать, каким путем я шел в каждой конкретной работе. Могу только заметить, что всегда исхожу из содержания роли, стремлюсь к искусству жизненной правды, а форма имеет подчиненное значение. Герои произведений А. М. Горького — рабочий Левшин («Враги»), полудельский Медведь, странник Лука («На дне») — напоминали мне мое детство, тех людей, которых я встречал в бедных рабочих кварталах Замоскворечья, на шелкоткацкой фабрике.

В галерее горьковских образов особенно заинтересовал меня Василий Достигаев («Егор

Булычов и другие», «Достигаев и другие»). Его главная черта — приспособленчество. Когда на репетиции один из наших актеров спросил меня, в чем я вижу «зерно» роли, я ответил ему, что Достигаев представляется мне своеобразным Тартюфом. И в тот же день неожиданно получил авторитетное подтверждение этой мысли из уст постановщика спектакля Леонида Мироновича Леонидова, вдруг сказавшего на репетиции:

— А вы знаете, какая штука — в нем есть что-то тартюфское, в Достигаеве, а?..

Достигаев жесток, самолюбив, стремится во что бы то ни стало сохранить наперекор всему и всем только свою собственную индивидуальность. И притом сохранить себя не для того, чтобы тихо прожить, а чтобы — если представится случай — обязательно напакостить, «подставить ножку» Советской власти.

Таким я видел Василия Достигаева — политическую фигуру, которую Горький совсем не случайно рисовал в первой половине XX века германфилом... Поэтому я показывал Достигаева человеком педантично подтянутым, застегнутым на все пуговицы, человеком квадратным, даже с квадратным лицом. И, конечно, он вылощен, выхолон. Но не только по духу, но и по внешности Достигаев таков, что его трудно «раскусить», понять, что это за человек.

Мне было очень отрудно, когда известный драматург Всеволод Изанов, вместе с А. М. Горьким отдыхавший в Сорренто, слышавший, как Алексей Максимович впервые читал ему «Достигаева» и говорил об этом образе, после премьеры «Достигаев и другие» в Художественном театре написал статью в «Правде», где высоко оценил спектакль и в том числе мое исполнение главной роли...

Самым великим идейным и творческим испытанием стала для меня работа над образом Владимира Ильича Ленина. Вспоминаю, с какой радостью встретили мы Николая Погодина, когда он принес в Худо-

жественный театр свои «Кремлевские куранты».

Владимир Иванович Немирович-Данченко — режиссер-постановщик «Кремлевских курантов» — доверил мне эту труднейшую роль. Я был первым актером, которому предстояло воплотить на сцене Художественного театра образ вождя революции и основателя Советского государства. Надо ли писать о том, как волновался. Ведь нужно было найти точную внутреннюю линию, передать мысли, волю, характер, движение, темперамент вождя. Но не менее важно было нам добиться и портретного сходства, потому что зрители знают Владимира Ильича по фотографиям, фильмам, портретам.

Внимательно читал я книги В. И. Ленина и литературу о нем, пылливо всматривался в портреты Владимира Ильича, изучал документальные фильмы. Встречался со старыми большевиками Г. Кржижановским и Л. Фотиевой, близко знавшими Ленина, неоднократно посещал кабинет Владимира Ильича в Кремле, Горки Ленинские, Музей В. И. Ленина, изучал многочисленные докумен-

ты. Ключ к пониманию и постижению ленинского образа мне дал Вл. И. Немирович-Данченко. Он взволнованно говорил: «...хочется не рассуждений, а молниеносных выбрасываний мыслей... это наиболее ярко выражает гениальность. В чем гениальность? Гениальность в каком-то таком огневом темпераменте, который воспламеняет все то, что по пути этой мысли встретится. Где-то Ленин, может быть, и будет добродушно смеяться. Но вот эти молниеносные огневые мысли дают гениальность».

Когда эту линию схватите, тогда скажу: есть гениальный вождь, а не только великолепный портрет».

В суровые военные годы была закончена работа над «Кремлевскими курантами». 22 января 1942 года состоялась премьера.

Этот спектакль МХАТа был горячо встречен нашим зрителем. И это не могло не радовать.

Конечно, хочется рассказать много и рассказать подробно, но поверьте, что мне трудно даже перечислить все роли, сыгранные в театре. И все же не могу не упомянуть о встрече с великолепной драматургией А. П. Чехова: в его «Трех сестрах» я играл трагического Чебутыкина, в «Вишневом саде» — Фирса. А гениальные произведения Льва Николаевича Толстого — его «Плоды просвещения», где я исполнил роль первого мужа, а изумительные комедии А. Н. Островского — «Горячее сердце» (Хлынов) и «Шамага в «Без вины виноватых»! Было много ролей и в пьесах советских драматургов — А. Корнейчука, В. Катаева, Л. Леонова, С. Алешина... Были и работы в кинематографе...

Было разное, было замечательное. Надеюсь — и снова будет... Я преподаю в школе-студии МХАТа, занимаюсь со студентами сценическим мастерством. Ведь молодежь — наша надежда, наша будущее. Так думали мои учителя — великие режиссеры, великие артисты. Так, разумеется, считаю и я, стараясь осуществить только одно: передать эстафету старшего поколения молодым актерам, чтобы и они свято хранили и развивали лучшие традиции творчества Художественного театра, прекраснейшей сцены мира, сцены жизни моей.